

Лужков и Андрьяка: незамерзающий ручей

Русский телеграф, — 1998 — 7 марта, — с. 11

Любимый художник московского мэра выставлен в Третьяковке

«Классно! Так освежает (особенно после Сурикова)!»

«Здесь происходит очищение души от скверны, как поездка за город, в природу».

«После гаденького, злобненького репортажа по ТВ о выставке С. Андрьяки живые картины художника поразили. Свет, солнечные лучи, туман, запахи родного Подмосковья, цветы и все-все рождют в душе почти восторг».

«Вы гениальны!!!»

«Все круто!»

«Очень! Очень! Очень! Красиво, живо, ярко, как наяву. Просто смотрела бы и смотрела. Черемуха просто благоухает — стояла и чувствовала».

«Хочу с Вами познакомиться».

(Из книги отзывов на выставку «Волшебство акварели» заслуженного художника России С.Н. Андрьяки).

Народное искусство

Андрьяка в этом году исполняется сорок, и выставка его — во всех отношениях юбилейная, пятидесятая по счету. Экспозицию, развернутую в Инженерном корпусе Третьяковки, прямо под Суриковым, открывал сам мэр Москвы Ю.М. Лужков. Мало кто из ныне живущих удостоился высочайшего присутствия, и, кажется, никто — Лаврушинской обители. Видимо, потрясенная таким оборотом событий, программа «Сегодня» не вытерпела и выдала отчет, иронический, разумеется, но в сущности благодушный — тот самый «гаденький, злобненький репортаж по ТВ». Остальные критики — ни левые, ни правые, ни серединные, ни концептуалистские, ни традиционалистские — не снизойдут даже до этого. И потому, что над Андрьякой смеяться грех, и потому, что зрительские суждения вполне исчерпывают сюжет. В книге отзывов уместилась вся правда о живописце: к «запахам родного Подмосковья» добавить нечего.

Честные акварели по мокрому и по сухому. «Ненастная осень», «Осень в Голутвино», «Церковь Пимена Великого зимой» («Малого Вознесения на Никитской», «Покрова Богородицы в Медведково», «Вознесения в Брюсовом переулке» и пр., и пр., и пр.) и снова «Рожь», и «Гонят стадо», и «На даче», и «Букет

«Красиво, живо, ярко, как наяву»

полевых цветов», и «Махровая сирень», и та самая «Черемуха», что благоухает, и столь же благоухающие «Домашние пироги». Достойную монотонность нарушают как раз натюрморты — свежайшие «Раки и пиво» (1998) — в неожиданно голландском вкусе, но с преобладающей русской деталью: дары рек и моря, величественные, как у Снайдерса, а на заднем плане лирическое отступление — два кусочка колбаски, любительской, с трогательным жиром.

Нельзя сказать, чтобы Андрьяка халтурил, — напротив, он очевидно старается, что и сообщает его выставке вполне космическую бессмысленность: непонятно, зачем весь этот тягостный, денно-нощный труд. Художественная воля — единственное, что всегда приковывает к картине, — здесь отсутствует напрочь. Остальное в меру сил наличествует. Какое-то рисование, даже чувство цвета: и то и другое лучше, чем у Глазунова с Шиловым. Известные мастера-умельцы из века в век падают с той же аккуратностью и вдохновением. Вспоминается Палех: за сто последних лет русский пейзаж — на холсте ли, на бумаге — в него и превратился, с той лишь разницей, что вместо золота и киновари тут другой канон. Все сквозит и тайно светит наготой своей смиренной — тоскливо-серое, неизбывно сиротское и в то же время дамское: «Серебро дождя», «Незамерзающий ручей». Забавно, что разросшимся Палехом захвачен и чужой, голландский, натюрморт: отныне он тоже стал до боли родным.

Сам Андрьяка, может быть и бессознательно, знает свое место: недаром он подписывается не «Сергеем», не полным именем как творец, а инициалами «С.Н.» как частное лицо. И событие создал, конечно, не он, а Третьяковка, отдавшая Бог весть кому лучшие в Москве стены, да Ю.М. Лужков, благословивший вернисаж. По сути перед нами кураторский проект столичного мэра — только в одном этом качестве выставка «Волшебство акварели» и в самом деле интересна.

Народная власть

Роман градоначальника с живописцем имеет весьма почтенную историю. Здесь есть множество примеров, и всякий раз прошедшая через столетия пара покрыта общим флером. Где прихотливый художник, а где крепкий хозяйственник — не разберешь. Одно почти неотделимо от другого. Начальник Флоренции, поэтический Медичи неслучайно связан именно с утонченным Боттичелли, начальник Римини, сокрушительный герцог Малатеста — с могучим Пьеро делла Франческа, начальник Феррары, коварный герцог д'Эсте — с затейником Козимо Турой, начальник Мантуи, просвещенный Гонзага — с ученым Мантеней, начальник Дижона, Филипп Добрый — с благочестивым Ван Эйком. Это относится даже к начальникам Рима, хотя их отличает полагающееся сану однообразие: титанический Юлий II сроднился с титаническим же Микеланджело, божественный Лев X — с божественным Рафаэлем.

У Лужкова с Андрьякой пара не складывается: кряжистый мэр и вялое волшебство акварели не созданы друг для друга. Так, во всяком случае, кажется. К тому же, несмотря на различия, ставшие явственными со временем, при жизни все живописцы стремились отразить одно: могущество и роскошь властителя. Роль Андрьяки прямо противоположная — он призван утвердить поэзию шести соток. В этом диалектика Ю.М. Лужкова.

Очевидно, что описанные исторические пары восходят к главному мэру всех времен и народов Периклу и к главному же творцу — Фидию. Столь же очевидно, кто именно работает Фидием в сегодняшнем московском полисе. И это не Андрьяка. Но излишняя очевидность все время вуалируется: Перикл Михалыч то и дело крякает на алчного своего Зураба, впрочем, деликатно тушуясь перед волшебной силой искусства, — тому, кого карает явно, он втайне милости творит. Вслед за очередной проработкой следует очередной же заказ, власть при этом спасительно дистанцируется от плодотворного ваятеля. Дистанция необходима. Дело не в том, что поставляемая З.К. Фидием роскошь есть ужасающее непотребство, — так Лужков очевидно не считает. Дело в том, что сама роскошь должна быть чужда народной мэрии. Не месяц под косой блестит, а кепка на лысине. И это неизбывно при любом строе. Заветный толчок, куда посторонним доступ воспрещен, можно сложить хоть из изумрудов, это святое, но память о дачном сортире-скворешнике всегда окрыляет властное чело. Так настает черед Андрьяки.

Простая и доступная, кепка на выходные выезжает «за город, в природу» и окучивает свой скромный участок: газон перед окнами, три куста за домом. А в поле рожь и вдалеке гонят стадо. Там серебро дождя, там незамерзающий ручей. Там уголок старой Москвы и церковь Малого Вознесения. Жена собрала букет полевых цветов; пахнет черемухой и домашними пирогами. Кто приезжает, кто отбудет, а мэр выходит на крыльцо, об ужине он позабудет, а теплый ветер долго будет ласкать открытое лицо.

АЛЕКСАНДР ТИМОФЕЕВСКИЙ